

Русская фантастическая литература (на материале романа Т. Толстой «Кысь»).

الأدب الخيالي الروسي (رواية تاتيانا تولستايا "كيس" انموذجاً)

أ.م.د. هديل اسماعيل خليل
دكتوراه في فقه اللغة-الادب الروسي
مكان العمل: جامعة بغداد/ كلية اللغات/ قسم اللغة الروسية.
رقم الهاتف: 07727289435
البريد الإلكتروني: hadeelismaeel@colang.uobaghdad.edu.iq

к. ф.н., доцент: Хадель Исмайл Халил

Должность: преподаватель на кафедре русского языка\ факультет языков\ Багдадский Университет.

Ключевые слова: фантастика, научная фантастика, утопия, антиутопия, фэнтези, Т. Толстая, «Кысь», сатира, миф, сказка.

07727289435

hadeelismaeel@colang.uobaghdad.edu.iq

Аннотация: В статье рассматриваются основные особенности фантастики как особого вида литературы. На материале романа Т. Толстой «Кысь» анализируются особенности жанра антиутопии: изображение будущего как реально возможного, разрушение личности тоталитарным государством, упадок культуры, разрушение человеческих взаимоотношений. В статье показано, как Т. Толстая нарушает жанровые границы антиутопии, вводя в текст элементы фэнтези.

ملخص: تتناول المقالة السمات الرئيسية لأدب الخيال العلمي كنوع خاص في الأدب. اعتماداً على رواية " كيس " لتاتيانا تولستايا، تم تحليل خصوصيات الطوباوية التشاؤمية: تصوير المستقبل كواقع حتمي، تدمير الشخصية من قبل الدولة الشمولية، تدهور الثقافة، تدمير العلاقات الإنسانية. يوضح المقال كيف تتجاوز ت. تولستايا حدود الطوباوية التشاؤمية كنوع أدبي من خلال إدخال عناصر خيالية في النص.

الكلمات المفتاحية: خيالي، يوتوبيا ، ديستوبيا، ت. تولستايا ، "كيس"، هجاء، أسطورة، حكاية خرافية.

Приступая к рассмотрению фантастики необходимо обозначить особенности этого вида литературы. Цв. Тодоров (1999) писал, что «свойственное всей литературе оспаривание границы между реальным и ирреальным» в фантастической литературе «происходит совершенно эксплицитно и оказывается в центре-внимания» (Тодоров: 126). И. В. Головачева (2013) полагает, что фантастика как специфический вид литературы отличается от миметической прозы по своей поэтике и прагматике (Головачева: 16). Дж. Клут (1995) выделяет три разновидности фантастики: научную фантастику, фэнтези и хоррор (Головачева: 15). К фантастической литературе часто относят также утопию и антиутопию. Таким образом, фантастика объединяет произведения нескольких жанров, каждый из которых имеет свои особенности.

Научная фантастика рисует воображаемый мир прошлого или будущего планеты Земля или других планет, описывает достижения науки и техники, превосходящие все то, что имеет современный человек. Основной чертой этого жанра фантастической литературы является рациональность, «при изображении вымышленной жизни она использует научные, а не мистические объяснения разного рода чудес» (Горкина, 2006).

Фэнтези – жанр фантастической литературы, у которого очень много общего с мифами и сказками. В отличие от научной фантастики произведения, относящиеся к жанру фэнтези, не дают научного обоснования происходящему, действия в них происходят в вымышленном мире, нахождение которого часто не объясняется, в качестве действующих лиц могут фигурировать боги, духи, различные фантастические существа, в этих произведениях есть место мистике, волшебству и колдовству.

Краткое и остроумное определение этим двум жанрам фантастики дал Р. Стерлинг (n.d.): «фэнтези – это невозможное, ставшее вероятным, а научная фантастика – это невероятное, ставшее возможным» (Цит. по: Головачева: 200).

Хоррор «призван показать источники кошмаров, разнообразие реакций на страшное и жуткое, а также виды и способы сопротивления ужасам внешнего и внутреннего бытия» (Головачева: 15).

В утопии изображается идеальное общество, в котором царит гармония, все люди счастливы. В утопиях, как правило, находят отражение, актуальные для времени написания книги общественные проблемы: политические, социальные, экономические. Жанр утопии сближает художественную литературу с социальной философией.

Антиутопия, как следует из названия данного жанра, по своему содержанию, противопоставлена утопии, антиутопия содержит «мрачный футурологический прогноз» (Горкина, 2006). Как правило, в антиутопиях описывается тоталитарное общество, жизнь людей или безрадостна, мрачна и в ней много насилия и жестокости, либо рисуется картина вроде бы идеального устройства общества, но которое на самом деле таковым не является, и автор раскрывает его негативные черты.

Антиутопия описывает мрачное будущее человечества, ставит под сомнение построение идеального общества, показывая, что подобные попытки приводят к насилию над личностью, бездуховности, уничтожению в человеке человеческого.

У всех перечисленных жанров есть общая черта, позволяющая отнести их к фантастической литературе, любой из этих жанров: «направляет ум к неизвестной или не совсем освоенной реальности» (Головачева, 2013: 18). Кроме того, «человек в фантастическом дискурсе утрачивает свою человечность, становится то субъектом, то объектом альтернативной антропологии, которая превращает его в мичтателя, сомнабулу, сумасшедшего или монстра» (Лахманн, 2009: 7).

При всей, казалось бы, четкости разделения жанров фантастики, при рассмотрении конкретных текстов возникают сложности с определением их жанра. Если большинство творений советских писателей-фантастов можно отнести к жанру научной фантастики, хотя и здесь есть исключения, то ответ на вопрос о жанре современных фантастических произведений может быть не столь очевидным.

Рассмотрим роман Татьяны Толстой «Кысь», опубликованный в 2000 году. В работах, посвященных этому произведению, его относят к антиутопии, в некоторых случаях, добавляя еще определения *апокалиптическая* или же *постапокалиптическая*.

Существует дихотомия утопия – антиутопия, антиутопия отрицает утопию, она – анти-утопия, но имеет те же принципы построения художественного целого. Л. Сарджент определяет утопию следующим образом: «Утопия – это несуществующее общество, описанное достаточно подробно и, как правило, имеющее пространственно-временные характеристики. В стандартном варианте утопия означает либо эквивалент «евтопии», либо такое несуществующее общество, описанное достаточно подробно и, как правило, имеющее пространственно-временные характеристики, которое, по замыслу автора, должно рассматриваться читателем как существенно превосходящее то общество, в котором он живёт» (Головачева, 2013: 260). Соответственно антиутопия – «принципиальное отрицание утопии» (Баталова, 1989: 264). Л. Сарджент к антиутопии относит тексты, «которые направлены против утопии и против утопического мышления» (Головачева, 2013: 260).

Интересной представляется точка зрения С. Г. Шишкиной (2007), которая пишет: «классические утопии рождались на основе художественного моделирования социально-философских теорий; антиутопии отталкивались от уже реализовавшихся теоретических постулатов» (Шишкина, 2007: 201)10.

Обратимся к тексту романа Т. Толстой «Кысь», который, как уже было сказано, часто называют апокалиптической антиутопией или постапокалиптической антиутопией, последний вариант представляется более точным, так как согласно тексту романа, апокалипсис уже случился – за двести лет до описываемых событий произошел некий «Взрыв».

Действие в романе происходит в городке Федор-Кузьмичск, который стоит там, где раньше находилась Москва. Население городка делится на три группы: Прежние, голубчики (люди с Последствиями) и перерожденцы. Прежние – это те, кто пережил Взрыв, после которого они перестали стареть, в описываемое время Прежних мало осталось. Люди, родившиеся после Взрыва так или иначе мутировали, они «с Последствиями»: «У кого руки словно зелёной мукой обметены, будто он в хебеде рылся, у кого жабры; у иного гребень петушиный али ещё что» (Толстая, 2000: 10). Третью

группу людей составляют перерожденцы, которые, как и Прежние жили до взрыва, но перерожденцы утратили почти полностью человеческий облик и людьми не считаются, низведены до состояния скотины. «Страшные они, и не поймёшь, то ли они люди, то ли нет: лицо вроде как у человека, туловище щерстью покрыто и на четвереньках бегают» (Толстая, 2000: 6).

Все культурные и технические достижения человечества были утрачены, люди ведут убогое, полудикое существование. Тем не менее, государство существует. Татьяна Толстая на страницах своего романа рисует тоталитарное государство, в котором власть одного лица незыблема и непререкаема, жесткая иерархия держится на страхе и эксплуатации нищего малограмотного населения. «Старопечатные» книги находятся не просто под запретом, они внушают страх, так как от них можно заболеть, а заболевших забирают санитары, и никто из забранных еще не возвращался. Основу существования людей составляют мыши, «мыши : наша опора, так и Фёдор Кузьмич, слава ему- учит» (Толстая, 2000: 7), - говорит главный герой романа Бенедикт.

Фёдор Кузьмич – это диктатор, которого практически боготворит население, считается, что все, что люди имеют – это то, что придумал, изобрел и поделился с народом Федор Кузьмич. Для населения города, который назван его именем - Федор-Кузьмичск, сам Федор Кузьмич и почти бог и культурный герой, благодетельствовавший жителей города различными благами: он и огонь принес людям, и колесо изобрел, дал людям счет и письменность, все устроил и обустроил. Люди уверены, что пропали бы без своего благодетеля, который и днем и ночью не спит, не ест, а только о благе людей думает.

На самом же деле все изобретения не принадлежат Федору Кузьмичу, они сохранялись с прежних времен. Ни умом, ни знаниями диктатор не отличается от остального населения городка, а во внешности его животного даже больше, чем у других голубчиков. Незначительность личности тирана подчеркнута в романе размерами этого правителя: «ростом Фёдор Кузьмич не больше Коти, едва-едва Бенедикту по колено. Только у Коти ручки махонькие, пальчики розовенькие, а у Фёдора Кузьмича ручищи, как печные заслонки, и пошевеливаются, все пошевеливаются» (Толстая, 2000: 35).

Высокий статус других представителей власти, почтение к ним также базируется на лжи и невежестве населения. Так мурза Шакал Демьяныч считается Ветераном Ледового Побоища, это дает ему власть над людьми, хотя никто из жителей Федор-Кузьмичска ничего не знает о Ледовом Побоище. Однако, возможно, самое ужасное заключается в том, что жители Федор-Кузьмичска не просто ничего не знают о своей истории, но и знать не хотят: «А что за Побоище, и в какие годы и с кем Шакал Демьяныч побивался <...> али клюкой – про то не знаем, да и знать не хотим, да и скажут – не запомним» (Толстая, 2000: 31).

Народ безропотно терпит свое положение, оправдывая любую несправедливость, например, люди считают, что мурзам положены медвежьи шубы, потому что мурзы в санях ездят, а простым людям лучше без шуб, так как они пешком ходят и могут «упариться». Любое сомнение в справедливости установившегося положения вещей считается «своеволием», всё устроено так, чтобы «помнил ты своё место: ниже ниже – и не высывался» (Толстая, 2000: 18), и не думал: «Нет, нет, не надо думать. Нет» (Толстая, 2000: 18).

Установившуюся иерархию хорошо отражает порядок распределения благ, сначала все получают санитары, потом мурзы, и лишь затем, если что останется, то – голубчики.

Вся государственная машина устроена таким образом, чтобы человек постоянно чувствовал свое униженное положение, вот, например, как происходит выплата полочки: сначала голубчики стоят в длинной очереди, затем, когда оказываются у «выплатного окошечка», вынуждены сильно наклоняться, так как окошечко находится очень низко, чтобы было удобно не стоявшему за полочкой человеку, а сидящему по другую сторону окна мурзе. Но такое устройство имеет и более глубокий смысл, люди вынуждены

кланяться для того, чтобы: «смирение выказывать, чтоб покорность в организме была . Ведь ежели во весь рост стоишь <...> дак мало ли чего в голову вступит. <...> А когда в пояс согнешься, да голову набок вывернешь <...> вот тогда и чувствуешь, что такое есть государственная служба, ея же и сила, и слава, и власть земная, во веки веков, аминь» (Толстая, 2000: 46).

В этом постапокалиптическом государстве роль карателей, внушающих ужас населению, выполняют санитары, которые «лечат» Болезнь, вызываемую старопечатными книгами. Сам вид санитаров вызывает ужас у людей, нет ничего страшнее в жизни голубчиков, чем встреча с санитарями: «А по улице идёшь, и вдруг посвист и гиканье:- Красные Сани несутся, а в них шестерка перерожденцев запряжена. И вот ты как есть <...> бросишься как-то в сторону, в сугроб али в придорожную грязь, голову руками закроешь, сожмешься:- господи, пронеси!... Обереги!... Вдавиться бы в землю, в глину уйти, слепым червирем стать – только бы не меня! Не меня, не меня, не меня!.. Я не болен, я не болен, нет, нет, нет. Не надо, не надо санитарам приезжать, нет, нет, нет. Боже упаси, боже упаси, нет, нет, нет» (Толстая, 2000: 25).

В том, как описываются санитары, ужас, который они вызывают у людей, отчетливо прослеживается аналогия со сталинскими «воронками». Само же устройство общества напоминает Советский Союз времен застоя, а образ Набольшего Мурзы Федора Кузьмича, беспрестанно превозносящего самого себя, напоминает главу советского государства. Набольший Мурза начинает указ следующими словами: «Вот как я есть Фёдор Кузьмич Каблуков, слава мне, Набольший Мурза, долгих лет мне жизни, Секлетарь и Академик и Герой и Мореплавателъ и Плотник» (Толстая, 2000: 41).

Городок Федор-Кузьмичск замкнут сам на себя, у него нет связи с внешним миром, население городка считает, что окружено враждебными территориями: «вокруг городка:- поля необозримые, земли неведомые. На севере:- дремучие леса, бурелом, ветви переплелись и пройти не пускают, колючие кусты за порты цепляют, сучья шапку с головы рвут. В тех лесах, старые люди сказывают, живет кысь <...> На запад- тоже не ходи. <...> На юг нельзя. Там чеченцы» (Толстая, 2000: 6-7).

Федор-Кузьмичск воспринимается его обитателями как центр мира, то, что находится за пределами городка овеяно мифами и легендами, жители готовы лишь слушать диковинные рассказы о других землях, выйти же за пределы своего мирка боятся, да и не хотят, хотя возможность эта у них есть: «Там даже вроде бы и дарога есть – невидная, вроде тропички. Идешь-идешь, вот уж и городок из глаз скрылся, с полей сладким ветерком повеваает, все-то хорошо, все-то ладно, и вдруг, говоорят, как встанишь. И стоишь. И думаешь: куда же это я иду- то? Чего мне там надо? Чего я там не видел? Нечто там лучше? И так себя жалко станет!! <...> Плюнешь и назад пойдёшь. А иной раз и побежишь.» (Толстая, 2000: 7).

Т. Толстая как бы рисует азбуку жизни общества после ядерной катастрофы, недаром главы романа озаглавлены буквами древнерусского алфавита: аз, буки, веди, глаголь, добро и так далее.

Т. Толстая рисует будущее, однако это будущее похоже на прошлое, таким образом, задается временной план произведения – бесконечность. Если в классических антиутопиях жизнь общества подчинена порядку, идее целесообразности, разумности, то в романе «Кысь» есть только видимость некоего порядка, а разумности нет и следа, люди ведут почти животное существование, озабочены лишь своим физическим выживанием.

Социальное неравенство воспринимается голубчиками как единственно возможный вариант устройства общества. Они безликие существа, не осознающие себя самостоятельными личностями.

Если в утопии описывается идеальное устройство общества, то антиутопия рисует мир, который лишь кажется идеальным, разоблачает его, ставит под сомнение его ценности. Потому социальная сатира является одной из черт антиутопического произведения. Т. Толстая высмеивает чиновничество, безропотность голубчиков, вот как писательница описывает, например, «проблему» крышек: «простой голубчик, из жалостливых, как бы рассудил? взять все крышки да попросту и раздать <...> Нет, с нами так нельзя. Вот Варсонофий Силыч, всё это рассудивши, да рассмотревши, да думу думавши, и решает: крышек нипочем не выдавать. И народ, и крышки целее будут. <...> А ещё думает: коли крышек нетути, так мечта у всякого будет заветная: эх, кришечку бы мне! А с мечтой и жить сподручней, и засыпать сладше. Вот оно-то и есть государственный ум» (Толстая, 2000:33).

Т. Толстая дает гротескное описание проблем общества. Автор иронизирует над напыщенной важностью чиновников и бессмысленностью их речей. Так, например, описывает Т. Толстая Варсонофия Силыча, Большого Мурзу, который «над всеми складами надзирает» (Толстая, 2000: 33). «Ума Варсонофий Силыч государственного, такового же и вида: тучности прямо изумительной, даже и для мурзы редкостной» (Толстая, 2000: 33) и далее: «Другой бы, кто попроще, открыл рот, да и сказал что надобное, да и опять рот закрыл до другого раза. А вот и вышел бы подход негосударственный, и некто б его такого не слушался, и не бывать бы такому Мурзой. А у Варсонофия Силыча как заведено: призовет с утра малых мурз, Складских Работников, и начнёт: “Р-а-з-д-а-й-т-е ...”, а что раздать, и не выговорит до вечера, потому как ему казенного добра жалко» (Толстая, 2000: 33).

Т. Толстая язвительно описывает коррумпированность государственного аппарата, нежелание делиться с народом: «А и то, как не пожалеть!! <...> а ежели весь Фёдор Кузьмичк, весь городок наш, набегит кормиться, так это же добра не напасёшься! А самому есть? А семье? <...> Без подхода нельзя!» (Толстая, 2000: 33).

Все герои романа «Кысь» весьма своеобразно представляют свою роль в государстве и пользу, которую они ему могут принести, так один из героев считает, что его вклад в общее благосостояние :— это умение прыгать на одной ноге и громко кричать: «я, голубучка, в молодые-то годы мог на одной ноге отсюда как вон до того пригорка допрыгать! А не пользу. Я, говорю тебе, бывало, как гаркну – солома с крыши валится» (Толстая, 2000: 9).

Мрачность рисуемой Т. Толстой картины постапокалиптического общества, усиливается описанием враждебности голубчиков друг к другу, их жестокости, кинуть камнем в лоб другому человеку – это для них развлечение, потеха. Главный герой романа Бенедикт считает, что «себя выразить можно», ударив ребенка или пнув собаку, а «злость, она хорошо так, тепло внутри пощипывает» (Толстая, 2000: 49-50).

Жизнь в мире Федор-Кузьмичска не ценится, она ничего не стоит и не значит, смерть вызывает только смех, это своего рода развлечение. Так съедобность пойманной птицы решили проверить на холопе. «Он её кусь, да и о пол хрясь, да и дух вон. Смялися!!» (Толстая, 2000: 85).

В народе процветает воровство, голубчики не могут не воровать, видеть чужое добро и не сметь о нем мечтать – это для них мука, «мука-мученическая. Ведь глаз, - он такой: он сам на сторону съезжает, в чужое уперается, иной раз аж вываливается. <...> вот бы это моё было! Вот бы!... Уж я бы!... Да уж я бы!... » (Толстая, 2000: 44). Воровство имеет не просто общественное одобрение, а признается своего рода социальной справедливостью: «они у меня украдут, я, обозлимшись, у них, те у этих, эти у тех, - как по кругу, он и выйдёт справедливость. Вроде все друг друга обворовавши, а вроде все

при своём. Более или менее. Это, как выражается Никита Иваныч, стихийное перераспределение личного имущества» (Толстая, 2000: 43).

Голубчики власть не уважают, а только боятся ее, их почтение лицемерно. Если голубчик видит, что начальство едет, то с дороги в сторону отскакивает и кланяется. «На рыло улыбочку умилную напустишь, масляную. Глазынки тоже сощуришь, будто обрадовался. Выражение в глазынках выразишь: словно бы удивляешься, как это тебе, простому голубчику, так повезло-то, встретиться с мурзой. <...> Проедет мурза <...> Рыло можно опять прежнее, прастое, злобное, - плюнешь, обматеришь, вслед оскорбление какое, - пожалуйста.» (Толстая, 2000: 49).

Люди не способны на искренние чувства, поэтому предают друг друга. Так, Бенедикт отправляет на костер, казалось бы, единственного близкого ему человека – Никиту Ивановича.

В обществе нет никаких нравственных ценностей, норм, морали: «Мораль, конечно, - это хорошо, кто спорит. Но - хорошо-то хорошо, да ничего хорошего. Окромя морали, ещё много чего в жизни есть.» (Толстая, 2000: 44). Попытки Прежних внедрить в сознание голубчиков хотя бы элементарные моральные принципы ни к чему не приводят.

Люди разобщены, у них нет представления о взаимопомощи, каждый думает лишь о себе. Показательным является поведение голубчиков во время пожара. Если случится пожар в Федоре-Кузмичске, то на него сбегается толпа голубчиков, но никто не тушит, только смотрят, для них это развлечение. А когда огонь уничтожит все, тогда «голубчики двинутся с ведрами, да с горошками, кто с чем, угольки набирать, себе в дом тащить. Может, у них и без того печь тёплая, - неважно. Не пропадать же добру.» (Толстая, 2000: 61-62).

В своем романе «Кысь» Т. Толстая ставит под сомнение идею Логоса как организующего начала человеческого бытия. В романе культура проигрывает бескультурью, дикости. Чтение книг не научает героев ничему, на одной чаше весов оказываются выдающиеся произведения мировой литературы и инструкция к бытовому прибору, или, например, журнал по коневодству, для героя они обладают одинаковой ценностью.

По мнению Н.Л. Лейдермана и М.Н. Липовецкого (2003) «Кысь» «деконструирует центральный миф русской культурной традиции — ожидание от книги (а шире: культуры) высшего и спасительного знания о жизни» (472-473). Герои произведения не в силах понять смысл того, что они читают, осознать ценность и важность культуры, поэтому старания Никиты Ивановича просветить население ни к чему не приводят, более того, самого главного истопника в конце романа сжигают.

Символом гибели культуры становится бельевая веревка на шее бюста Пушкина, обесценивании имени поэта свидетельствует и то, что его имя начинают писать со строчной буквы: «Маленькой черной палочкой в путанице улочек стоял пушкин, тоненькой ниточкой виделась с вышины веревка с бельем, петелькой охватившая шею поэта» (Толстая, 2000: 146).

Деграцию культуры отражает и язык голубчиков, люди совмещают в своей речи устаревшую, просторечную и диалектную лексику, в большинстве случаев искажая ее.

Отсутствие исторической памяти, которую хоть как-то пытался сохранить Никита Иванович, устанавливая столбы, способствует деграции населения. Связь поколений прервана, культура утрачена, это ведет к неизбежному духовному оскудению людей, недаром они все наделены животными чертами – Последствиями. Даже Бенедикт, который обладает «огромным потенциалом», не в состоянии понять смысл книг, что есть история, он способен оперировать лишь простыми бытовыми понятиями. Не случайно основным продуктом питания голубчиков являются мыши, мышь – «символ забвения, и все, к чему мышь прикасается, исчезает из памяти» (Лейдерман & Липовецкий, 2003: 474).

Конкретные знания, информацию голубчикам заменяют слухи: «А теперь, слышать, Фёдор Кузьмич, слава ему, счётные прутики изобрел. <...> Только сам счёты ладить не смей, а кому надо – приходи в базарный день на торжище, уплати сколько велено – холстом берут, мышами, – да и считай сколько влезет. Так говорят; правда, нет ли, кто знает.» (Толстая, 2000: 11). Внутренней грязи голубчиков соответствует грязь внешняя, в домах неубрано, царит беспорядок, уборка собственного жилья сводится к заталкиванию мусора под лежанку.

Попытка исправить существующее положение вещей не только ничего не меняет, но даже ухудшает жизнь людей, внося новые ограничения в их жизнь. Государственный переворот лишь обозначает начало нового витка спирали в истории городка Федор-Кузьмичск. «Господи! Да ведь так же всегда и было: и в древности то же самое! "Но разве мир не одинаков в веках, и ныне, и всегда?.." Одинаков! Одинаков!» (Толстая, 2000: 144).

Бесконечность повторов подчеркивается регулярной сменой названий городка: «А зовётся наш город, родная сторонка, – Фёдор - Кузьмичск, а до того, говорит матушка, звался Иван-Парфирьичск, а ещё до того – Сергей-Сергеечск, а прежде имя ему было Южные Склады, а совсем прежде – Москва.» (Толстая, 2000: 11).

О бессмысленности переворота свидетельствует уже первый указ, показывающий, что новый глава государства озабочен лишь собственным благополучием, возвеличиванием самого себя и раздачей должностей своим приближенным: «1. Начальник теперь буду я. 2. Титло моё будет Генералный Санитар. 3. Жить буду в Красном Тереме с удвоенной охраной. 4. На сто аршин не подходи, кто подойдёт - сразу кругом без разговоров. Кудияров» (Толстая, 2000: 153).

Обещание гражданских свобод оборачивается своей полной противоположностью – вводятся новые ограничения, режим становится еще более антигуманным – начинают практиковаться публичные казни, сжигают на костре Никиту Ивановича.

Само слово *свобода* трактуется превратно, его значение выхолащивается, свобода собраний трактуется следующим образом: «чтоб когда соберутся, чтоб свободно было. А то набьется дюжина в одну горницу, накурят, потом голова болит и работники с них плохие. Пиши: больше троих не собираться» (Толстая, 2000: 154). Вместо свободы печати вводится запрет на чтение старопечатных книг, в просвещении народа власть не заинтересована.

До предоставления свободы вероисповедания новые законодатели не доходят, решив, что свобод достаточно предоставили: «- Так... Свабода вероеспо- ... испо-..исповедания.Тесть зевнул. - Да чего-то надоело. Хватит свабод.» (Толстая, 2000: 154). Слово *вероисповедание* Бенедикту и Кудеяр Кудеярычу не знакомо, его написание дается им с трудом, что не удивительно, так как у людей нет веры, им нечего исповедовать.

Общество Федор-Кузьмичска – это общество будущего, которое, по сути, является архаическим обществом, в нем отсутствуют научные знания, медицины не существуют, для лечения от болезней используются заговоры. Нет у голубчиков устоявшихся верований и представлений, часто произносимые слова: «Боже упаси!» являются лишь речевым оборотом, знаком суеверного страха перед тем, что сказанное может воплотиться в жизнь.

О зачаточном уровне осмысления мира голубчиками свидетельствуют их представления об устройстве мира, они считают, что есть «блин земной» и «небесная крыша» (Толстая, 2000: 146), убогость их фантазии, отсутствие творческого начала отражают названия, данные голубчиками созвездиям, которые ни называют Корытом, Миской, Веретеном и т.д. (Толстая, 2000: 39).

Пространственные и временные характеристики нового мира заданы мифами и преданиями. Время и пространство представляют собой единое целое, что характерно для мифологической реальности, время циклично. Есть у голубчиков очень простые

этиологические и эсхатологические мифы. Показательно, что Т. Толстая не вводит в текст повествования космогонический миф, тем самым показывая отсутствие у голубчиков интереса к происхождению мира и шире – к созиданию как таковому.

Вместо настоящих героев у голубчиков - пародия на них, например, роль культурного героя Прометея отдана Наибольшему Мурзе Федору Кузьмичу.

Т. Толстая в своем романе использует мифологему доброго царя-батюшки, характерную для русской культуры, после каждого упоминания Наибольшего Мурзы герои произносят «Спасибо ему».

Главными мифологическими фигурами романа являются Князь Птица Паулин и Кысь, противопоставленные друг другу, как добро и зло. Князь Птица Паулин является в романе символом всего светлого, чистого, она олицетворяет собой гармонию, духовную чистоту, светлую мечту. Но если в классическом сказочном сюжете добро побеждает зло, то в романе Т. Толстой оно проигрывает: «Нет ни поляны, ни Птицы. Вытопана поляна, скошены тульпаны, а Паулин – что же, Паулин давно поймана силками, давно провернута на каклеты» (Толстая, 2000: 158). Бездуховность торжествует.

На страницы романа выведены и другие фантастические существа, некоторые из них встречаются в мифологии славян, например, леший, русалка, водяной, другие описываемые существа – плод писательской фантазии: Рыло, лыко заговоренное, пузырь водяной, кочевряжка подкаменная и другие. Мир полон «волшебства и наваждения» (Толстая, 2000: 9). Зимой «черные зайцы с верхушки на верхушку перепархивают» (Толстая, 2000: 6), в реках живут рыбки-вертизубки.

Характеризуя особенности фантастики как вида литературы, И. В. Головачева пишет: «*Фантастическое*, зачастую двусмысленное, зыбкое и принципиально неопределяемое, способно гораздо точнее, чем миметическая проза, передать мир индивидуального сознания с присущими ему фантомами и фантазмами, передать всевозможные оттенки тревоги и страха, придавая символические и вместе с тем наглядные выражения их парадоксальному содержанию» (Головачева, 2013: 17).

Мир антиутопии Т. Толстой узнаваем, если не сказать знаком. Особый пессимизм произведению придает то, что свержение диктатора приводит лишь к появлению нового, который мгновенно забывает, ради чего свергал предыдущего и превращается в его подобие; культура, знание, мораль проигрывают дикости, невежеству и примитивности. Время в романе – это мифологическое время – оно движется по кругу, придавая всем событиям вневременные черты, создавая цепь бесконечных повторений.

Если мы примем за аксиому, что антиутопия является полной противоположностью утопии, следовательно, изображает неидеальный мир, то роман Т. Толстой с полным правом может считаться антиутопией. То, что «Толстая не прогнозирует будущее» (Лейдерман & Липовецкий, 2003: 474) не отменяет того, что произведение является антиутопией, так как «многие художественные или культурные утопии [как и антиутопии – примеч. мой.] либо осуществимы в теории – пусть даже в далёком будущем, либо являются уже осуществлёнными на практике проектами» (Головачева, 2013: 258). Однако в произведениях такого типа, как правило, «не обнаруживается фантастическое» (Головачева, 2013: 258), в романе же Т. Толстой «Кысь» много не только странного, но и, действительно, фантастического. Произведение Т. Толстой от других антиутопий отличает мифологичность и сказочность повествования, таким образом роман «Кысь» имеет черты не только антиутопического произведения, но и фэнтези.

Источники:

1. Баталова, А. Я. (1989) *В мире утопии. Пять диалогов об утопии, утопическом сознании и утопических экспериментах*. М.: Политиздат.
2. Головачева И. В. (2013) *Фантастика и фантастическое*. СПб.: Петрополис.
3. Лахманн Р. (2009) *Дискурсы фантастического*. М.: Новое литературное обозрение.

4. Лейдерман Н.Л. & Липовецкий М.Н. *Современная русская литература: 1950— 1990-е годы*: Учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений: В 2 т. — Т. 2: 1968 — 1990. М.: Издательский центр «Академия».
5. Горкина А.П. (Ред.) (2006). *Литература и язык. Современная иллюстрированная энциклопедия.* — М.: Росмэн. URL: <https://dic.academic.ru/>
6. Кожевникова, В. М. & П. А. Николаева, П. А. (Ред.) (1987) *Литературный энциклопедический словарь.* - М.: Советская энциклопедия. . URL: https://literary_encyclopedia.academic.ru
7. Белокурова, С. П. (2005) *Словарь литературоведческих терминов.* URL: https://literary_criticism.academic.ru/
8. Тодоров, Цв. (1999) *Введение в фантастическую литературу.* М: Дом интеллектуальной книги.
9. Толстая, Т. Н. (2000) *Кысь.* М.: «Издательство АСТ».
10. Шишкина, С.Г. (2007) *Литературная антиутопия: к вопросу о границах жанра* URL: www.isuct.ru/e-publ/vgf/sites/ru.e-publ.vgf/files/2007/vgf-2007-02-199.pdf

References:

1. Batalova, A. Ya. (1989) In the world of utopia. Five dialogues about utopia, utopian consciousness and utopian experiments. М. : Politizdat.
2. Golovacheva I. V. (2013) Science fiction and the fantastic. SPb. : Petropolis.
3. Lachmann R. (2009) Discourses of the fantastic. М. : New literary review.
4. Leiderman N.L. & Lipovetskiy MN Modern Russian Literature: 1950s - 1990s: Textbook. manual for stud. higher. study. institutions: In 2 volumes - Т. 2: 1968 - 1990. М. : Publishing Center "Academy".
5. Gorkina A.P. (Ed.) (2006). Literature and language. Modern illustrated encyclopedia. - М. : Rosman. URL: <https://dic.academic.ru/>
6. Kozhevnikova, V. M. & P. A. Nikolaeva, P. A. (Ed.) (1987) Literary encyclopedic dictionary. - М. : Soviet encyclopedia. ... URL: https://literary_encyclopedia.academic.ru
7. Belokurova, SP (2005) Dictionary of literary terms. URL: https://literary_criticism.academic.ru/
8. Todorov, Tsv. (1999) An Introduction to Science Fiction. М: House of intellectual books.
9. Tolstaya, T.N. (2000) The Slynx. М. : "Publishing house AST".
10. Shishkina, S.G. (2007) Literary dystopia: on the question of the boundaries of the genre URL: www.isuct.ru/e-publ/vgf/sites/ru.e-publ.vgf/files/2007/vgf-2007-02-199.pdf